

Новая газ. — 2000. — 17-23 янв. — с. 23

Помните такой призыв: «С кем вы, мастера культуры?»
Прошедшая теленеделя показала, что — снова с теми, кто у власти.
В «Президент-отеле» Марк Захаров, Михаил Боярский, Константин Райкин и другие заметные деятели искусства присягали на верность и. о. Но и в нашей гуманитарной элите есть те, кто присягает

на верность не так часто и признает над собой только власть искусства.
Один из них — наш замечательный кинорежиссер Алексей Герман. Кстати, у него если не и. о. президента, то уж точно глава администрации — его жена Светлана Кармалита. Дабы отвлечься от политического зуда некоторых властителей дум, захотелось поговорить именно с ним...

— Я искренне присоединяюсь к кинокритикам, назвавшим «Хрусталева» лучшим российским фильмом 1999 года. Хотя, извини, сам по-прежнему больше люблю «Лапшина». Но, в конце концов, этот конфликт между хорошим и лучшим мое личное дело. Ясно, что ты — как ни крути — классик, и, значит, пора начинать писать «твой путь в искусстве». Ну вот, например, как ты первые оказался на киностудии?

— Первый раз на «Ленфильм» я попал на просмотр картины «Солдаты» году в 1956-м или 1957-м.

И прежде всего отправился в столовую, потому что рано пришел, да и вообще, знаешь, школьнику же интересно. А в это время вовсю шла подготовка к сорокалетию Советской власти, и «Ленфильм» главным образом снимал кино про Ленина. Поэтому столовая была забита Лениными. Они все были в костюмах и все стояли за киселем из большого чана. Поскольку кисель вне очереди получали режиссеры-постановщики, все Ленины старались выглядеть, как Ленин, чтобы не выйти из образа и понравиться. И поэтому кисель себе они просили жестом, известным всей стране по памятникам. А в углу дремал пьяный Ленин, что было совершенно невозможно, и его тихо под ручки увели. При этом в коридоре прохаживался, сердито отвернувшись к стене, Сталин — одинокий, как собака, потому что быть Сталиным стало уже совсем непочетно. И Ленины с ним совершенно не общались. Вот это и было мое первое попадание в кино.

— А профессиональную деятельность, насколько я знаю, ты начал не в кино, а в театре?

— Я стал служить в БДТ, когда еще учился в институте. Товстоногов меня взял режиссером... Но что такое режиссер в БДТ и при этом не Товстоногов, оставалось большой загадкой, из-за которой я потом, возможно, и ушел. Помню, у меня был роман с девочкой Наташей Ивановой (но не литературным критиком), я сразу распустил хвост и сказал, что я режиссер Большого драматического театра. Она всплеснула руками и воскликнула: «Вы — Товстоногов?!»

Потом я понял, что правильно ушел, потому что слишком хорошо научился быть близким Георгию Александровичу...

А первый подзатыльник от Товстоногова я получил в уборной театра. Я писал, подошел Товстоногов, встал у соседнего писуара и спросил меня: «Почему вы приходите в театр позже меня?» Я начал оправдываться. И представь себе эту сценку: шеф писает и делает мне внушение, а я уже пописал, но из уважения к шефу и из-за табели о рангах не могу показать, что я уже все, и отойти, и тоже делаю вид, что писаю. Больше всего я боялся, что в этот момент войдут артисты и увидят мое странное поведение в сортире.

А на память от БДТ у меня на долгие годы дома оставались задницы актрисы Зинаиды Шарко и актера Сергея Юрского, выполненные в пенопласте. Я их выбросил, только когда они совсем посерели. Задницы эти появились так. Товстоногов ставил «Божественную комедию» Штока. Там, если помнишь, Бог должен собрать человека, и сначала эту сборку решили делать из пенопластовых деталей, соответствующих физиологическим характеристикам исполнителей главных ролей. Но потом Товстоногов передумал — Адама и Еву стали собирать из воображаемых частей, и

этот пенопласт никому, кроме меня — дежурного режиссера, оказался не нужен. А я даже для этих задниц заказал в театре специальные таблички. Так они у меня на столе с табличками и стояли.

— В общем, как я понимаю, театр к тебе вернулся своей лучшей стороной. Ну а с чего ты начал в кино?

возможность снимать на «Ленфильме» «Трудно быть богом». Так что теперь на занятия они ездят из Питера, что утомительно, да и денег за свое преподавание получают меньше, чем тратят на дорогу. Но ездят — говорят, есть много талантливых ребят.

— Значит, ради вот этих юных созданий так и мотаетесь туда-сюда?

Алексей GERMAN:

САМЫЙ ТАЛАНТЛИВЫЙ НИЧЕГО НЕ БЕРЕТ

Или берет вверх ногами

Фото Пауль АРНВАДЗЕ

— Тоже со второго режиссера. Только это совсем другое, чем в театре: должность чисто техническая. Вообще же кино встретил меня хорошо. Я попал к Владимиру Венгерову, к сожалению, мало оцененному режиссеру. Вот только сейчас стали показывать его фильмы в Музее кино. Его картина, в которой я и начал в качестве второго режиссера, — «Балтийское небо» (первая серия, вторая не заслуживает внимания) мне кажется одним из лучших фильмов о войне. Это было сильное кино, между прочим первое из наших, поехавшее в Венецию на фестиваль. И Владимир Яковлевич, которого я очень люблю и высоко ценю, тоже поехал в Венецию.

Кстати, там с ним случилась такая история. У него были единственные носки, он их постирал, а ванны в Венеции оказались незнакомо ему устройства, и его единственные носки вместе с водой — бульбуль — в отверстие.

Сначала он хотел повеситься, потом стал искать выход из положения, даже думал нарисовать носки на ногах... Вообще представь этот ужас — через час выходить на сцену, 1958 год, советский человек за границей, прожектора, а он без носков... Его спас актер, который был с ним в Венеции и у которого оказалась запасная пара.

Тут почти плавное течение почти мемуаров Германа нарушила сама жизнь. На этот раз она приняла симпатичное обличье его со Светланой Кармалитой (жена и соавтор) бойкой студентки, которая от имени и по поручению, а также от чистого сердца простыми словами пришла поздравить своих преподавателей с Новым годом.

Дело в том, что Герман с Кармалитой совсем было переехали в Москву и даже стали преподавать на Высших режиссерских курсах, а тут вдруг появилась воз-

можность снимать на «Ленфильме» «Трудно быть богом». Так что теперь на занятия они ездят из Питера, что утомительно, да и денег за свое преподавание получают меньше, чем тратят на дорогу. Но ездят — говорят, есть много талантливых ребят.

— И что, можно научить кино? Поэзии, например, научить невозможно...

— В принципе тому кино, которым мы занимаемся, научить нельзя. И не надо. Мне кажется, что это даже как-то противостественно. Я не знаю, как учат на поэтов. Ну как можно научить человека быть поэтом? Только попытаться заставить его читать другие стихи и постигать в них присутствие или отсутствие поэзии. Кино на самом деле такая же штука. Надо учить ремеслу, профессии. Но в принципе я для этого не нужен, тут нужен какой-то другой профессиональный режиссер, потому что если брать меня, то первое, что я отталкиваю от себя, это профессия, понимаешь?

«Эта сцена снимается так-то...» Я вежливо выслушиваю, как она снимается, но знаю: если я так сниму — все, я погиб.

Ученика стоит еще проверять на то, сколько он взял у тебя из предложенного. Тот, кто много берет, — совсем не обязательно талантливый человек. Может, наоборот: тот, кто ничего не берет или берет вверх ногами, и есть талантливый. Но и тот, кто берет много, тоже может быть человеком интересным, потому что он не закомплексован.

Вот сейчас мы взяли со Светланой курс, а они же не просто хотят учиться на кинорежиссеров — они хотят быть кинорежиссерами... У меня есть надежда, что мы их сейчас повезем в Чехию, чтобы они просто посмотрели, что такое кино, и увидели, что режиссер на площадке — человек жалкий... Ведь на самом деле романы в кино — это в основном романы с операторами... красавиц всяких там, которые снимаются... или со звукооператорами, ну с артистами, а с режиссерами в общем очень немногих. Пред-

ставь... На мне какой-то большой тулуп... Ну у меня-то вообще — поскольку тут жена рядом, какой может быть роман! Но на любом режиссере накутано много, поскольку ему надо дольше всех находиться на площадке и меньше двигаться, а больше орать. К тому же он заглядывает всем в глаза, потому что точно не знает, как надо делать, ему стыдно, что он делает плохо. Он орет на всех — даже не потому, что люди виноваты, а от ощущения собственной беспомощности. А оператор — он красив, на нем красивая куртка, он точно знает, куда какую камеру навести, он мужчина, слегка кривоногий, в бутсах...

— Я понял, в Чехию ты повезешь ребят для того, чтобы всех,

для знакомства расстрелять первые сто тысяч и сказать всем остальным: а теперь будем строить капитализм?

У Стругацких в повести есть такая фраза: а вот табачник с Табачной улицы, умнейший человек, по этому поводу сказал... Мы ее сделали рефреном всего фильма. Всякий раз, когда эта фраза говорится, никто не хочет слушать. В общем, что тот сказал, так никто никогда и не спросил, а может быть, он что-нибудь и сказал важное, чего не придумывало человечество. Мы в принципе так и картину хотели бы называть: «Что сказал табачник с Табачной улицы». Все победы, когда снимают по Стругацким, получаются, если режиссер по-

хоть не тусовщики, но зато люди с улицы, и, по-моему, в «Проверке на дорогах» тоже...

— Я тут противоречия не вижу. А в «Проверке на дорогах» снимались несколько постоянных людей в массовке с такими, знаешь, хорошими русскими лицами. И один из них мне показался способным. Тем более что ему не надо было учить текст. Там идет Лазарев (Заманский), а тот ему должен был пробормотать что-то вроде: «А ты предатель, сволочь, тебя надо стрелять...» И все. И зачем мне на такую роль было артиста звать? Артист начнет говорить с московским проносом...

Мы все этому мужику рассказали — и поехали! «Мотор!» Он говорит: «Вы, жида, заели нашу родину, ты, жид пархатый, попадись ты мне, сука, в лесу...» Я кричу: «Стоп, стоп! При чем тут жида? Ты еврей-то сам когда-нибудь видел?» (А деревня была в Тверской губернии, глухая.) — «Не видел». Я говорю: «Вот — Ролан Антонович Быков...» А Быкова тогда больше всего любил за роль полицая Тереха в «Вызываю огонь на себя», полного мерзавца. Все к Ролану обращались: «Дорогой товарищ Терех...» Вот я и говорю: «Наш дорогой товарищ Терех к евреям имеет отношение, я — тоже, а ведь я тебя выручил: ты лося завалил, ружье у тебя отобрали, жить не на что, а я тебе деньги плачу. Что тебе еврей плохого сделал?» Он отвечает: «Ты прости меня, я ничего не имею против товарищей евреев, бес попутал».

Ладно, поехали. «Дубль два. Мотор!» Молчи... «Что ты молчишь?» — «...Жида, суки, заели всю нашу жизнь!» — «Стоп! Ну что ты к ним пристал?! Слушай, про жида давай как-нибудь потом, отдельно. Сейчас надо что-нибудь, чтоб про фашистов, про немца. Давай порепетируем: «Немецко-фашистские захватчики, орды проклятые...» Ну давай хоть так...»

Мотор! Поехали... «Вы, жидовские орды...»

А про немецко-фашистских захватчиков он так ни слова и не сказал — потом мы его жида озвучили немцами.

— Слушай, а может, тут глубоко религиозные корни? Ну бабка, например, ему рассказывала, что еврей Христа продали...

— Насчет религиозных корней... Это было там же, на «Проверке...». В первый же мой приезд на съемку в брошенную деревню. Там для группы поставили сортир — с такими удобствами в наших деревнях до сих пор плохо, а это был 69-й год... Я в сортир вошел, а он весь обит внутри иконами, и сидели, или как там его называли, если на нем располагаются на корточках, сделано из одной большой иконы. Это для артистов соорудили местные работяги. Понимаешь, деревня-то была брошенная, из изб ушли, иконы все оставили. И местные работяги решили, что это очень смешно — сделать такой сортир. А теперь давай говорить: Ленин там, большевики, Каганович... А эти — кто?..

Тут я решил, что наш разговор получил естественное композиционное завершение. С Ленина и сортира начали — тем же и кончили. Вечные русские проблемы: преступная власть и томительная народная жажда очищения. А тут и звонок раздался — таксист. Значит, сейчас Герман отправится по пушкинскому маршруту Москва — Петербург, чтобы потом снова повторить радищевский: из Петербурга в Москву. И слава Богу, как бы к Нему ни относились в российских городах и всях, что есть такая мощная культурная связь между двумя нашими столицами, как Алексей Герман и его боевая подружка Светлана Кармалита.

Олег ХЛЕБНИКОВ

Герман обещает 17.1.2000